

что сбегать в таких условиях вряд ли удастся... Когда полковник закончил своё велегерие, подбежали «бардавонные» машины. По одному нас направляли к ним и в котелки наливали бардаву, смешанную с отварным тестом из кукурузной муки, и выдавали по сто грамм хлеба. После немцы оставили нас в покое; мы ели медленно, часа три, чтоб не перегреть олодавнившие за время блужданий в окружении желудка.

Когда стемнело и замерзли звёзды, полицаи группами развели нас по баракам. Внутри линиями располагались двухъярусные нары, крытые соломой. К счастью, стены бараков оказались двухрядными, с соломенной прослойкой. Словом, ветры не гуляли, однако и большого тепла не было. Остатки нашего взвода заняли места в углу, где, сняв лишь обувь, мы повалились на нары, прикрывшись вместо одеял ватными куртками. Изнурённые и безрадостные, сразу же провалились в глубокий сон.

Утром раздались звонкие удары о железо. Полицаи окриками, пинками погнали нас во двор. В корытах для скота мы умылись. К тому времени появились вчерашние бардавочки. Завтрак ничем не отличался от вчерашнего ужина, только порции хлеба чуть увеличались. Затем наш барак долго вели к разрушенному мосту над безымянной речкой. Безымянной речка, конечно, вряд ли была, нам её

наши были ранены да двух партизан несли на носилках.

Шли мы, заметая следы, долго. Когда пересекли небольшую балку, показались, наконец, партизанская стоянка, заметная по длинным полудеревьям под деревьями. Навстречу вышли какие-то майор и капитан. Нас, приведённых, оказалось около шестидесяти. По одному вызывали в просторный шалаш и спрашивали, в каком полку служили, как попали в плен, чем занимались у немцев, что намерены делать дальше. Ребятам из остатков нашего полка особо не допытывались. Майор и капитан почему-то были осведомлены, что наш полк остановил наступление во много раз превосходящих сил фашистов и потому, оказавшись в окружении, с боями упорно старались вырваться. Правда, спрашивали о документах, но мало у кого они оказались. Сам я корочки своего офицерского удостоверения выбросил, а листы, завернув в непромокаемый кусок бумаги, спрятал в резинке трусов. Однако они пострадали от сырости, сохранились лишь обрывки отдельных слов. Когда бумажки вытаскивал, меня демонстративно похвалили в пику тем, кто документов не сберёг.

Ещё неделю данные о каждом уточнялись, потом нас распределили по отрядам и стали обучать правилам ведения партизанской войны, выдав кому автоматы, кому немецкие

да, где и как оказался тот или иной из нас среди партизан.

Просмотрели и мои бумаги, те самые сохранённые обрывки, задали несколько вопросов о боях под Смоленском – и выписали мне новое удостоверение младшего лейтенанта с направлением в один из полков командиром взвода. Этот мой новый полк, хотя и нёс большие потери, однако вместе с другими частями Западного фронта успешно наступал. На границе с Германией нас повернули в Чехословакию для разгрома оставшихся там значительных сил окружённых фашистов. Многие из них, поняв безвыходность положения, сдавались в плен. Но мой взвод столкнулся с сильным сопротивлением. Однажды с двухэтажного дома, обнесённого каменным забором, градом посыпались пули. Пришлось разнести дом из миномётов до основания. Как выяснилось, здесь располагался штаб группировки немцев. В плен захватили множество офицеров, среди которых оказались два генерала. За эту операцию меня наградили орденом Красной Звезды...

Слово о Переделкино

«Намоленное» место

Как всем давно и хорошо известно, Переделкино – необыкновенное и, как теперь часто говорят, «намоленное» место, имеющее особую судьбу и особую ауру. В прошедшем году, в конце сентября, я прожил в переделкинском Доме творчества несколько дней и, в целом, остался очень доволен. В старом корпусе, который несколько не подавлял меня своими раз-

мерами, сталинской архитектурой, было, правда, довольно прохладно, но всё же такие мелкие неудобства не способны были заслонить в высшей степени положительного ощущения этого места (за деревьями всегда надо видеть лес!), в соответствии со своим субъективным настроением и опытом, одним словом, как сейчас принято говорить, менталитетом. Не хочу показаться нескромным, но я, по всей видимости, будучи прирождённым литератором, у которого всё это в крови, воспринимаю подобное с особым смыслом и значением. Тем более что переделкинский Дом творчества знаю с 1967 года, когда мой отец поехал в гости к отдыхавшему там ленинградскому литературоведу Б.Я. Бухштабу и взял меня с собой. В Переделкино мы познакомились с К.И. Чуковским, встретились в столовой и оказались с ним в одной компании. Это была незабываемая встреча, оставившая очень яркий след в памяти на всю жизнь, сколько бы я потом ни бывал и в доме Чуковского, а затем уже в его музее. Не могу сказать, чтобы Дом творчества с тех пор сильно изменился. Главное – осталось ощущение этой ни с чем не сравнимой атмосферы, которая не

может и не должна быть испорчена ничем, писательского, литературного места, наполненного, по крайней мере в моём сознании, да, конечно, и не только в моём, всевозможными ассоциациями и связанного с разнообразными встречами, впечатлениями и так далее.

Во время теперешнего пребывания я во всём испытывал внимательное и любезное к себе отношение со стороны персонала, живую приветливость и расположение директора Степана Ивановича Колмакова и администратора Лидии Ивановны Чумаковой.

Что касается питания, то оно, с моей точки зрения, там было превосходным, да и обслуживание тоже отменное. Я всегда очень доволен. Словом, не вынес оттуда ни одного сколько-нибудь негативного впечатления. Я сердечно привязан к этому месту, у меня в писательском городке хорошие и давние знакомые и друзья и от всей души желаю, чтобы Переделкино в наше смутное время в полной мере сохранило бы свой статус заповедного литературного места мирового значения, и, конечно же, этому должен ещё более способствовать будущий Литературный музей, которому присвоят имя одного из величайших художников слова – М.А. Шолохова.

Александр РУДНЕВ

Сулейман Сабаяев

Война Артура

отрывок из повести «Любовь и горе»

так назвали, вероятно, с целью конспирации. Выдали лопаты, ломы, пилы и другие инструменты. Четыре немца-инженера через переводчиков объяснили, что надо срочно отстроит мост. Река была неглубокой, человеку среднего роста по пояс, зато отличалась шириной с видными тут и там глинозёмными отмелями. Я огляделся – ни одного деревца в округе не приметил. К тому же нас окружали немцы и полицаи с автоматами. В таких условиях побег невозможен, и это нагоняло безысходную тоску.

Изо дня в день мы работали и работали под присмотром полицаев. В обед появлялись проклятые бардавочки и хлеба давали по двести грам, но бардава была такая же отвратительная, как и по утрам. Да и хлеб, сказать честно, на добрую половину состоял из отрубей и соломы. Многие от такой еды страдали поносом, добавив сюда рабский труд и холод – вот три причины повальных смертей в лагере. Каждый день хоронили наших товарищей.

Полицаи между собой говорили на украинском, а обращаясь к нам – вероятно, чтобы погрести немцам, – добавляли «швайр», «шнель», «пурю» и другие обидные немецкие словечки. Только один, его звали Никола, говорил уважительно. Как-то он подошёл и вплотную сообщил, что фашисты, мол, не смогли захватить ни Москву, ни Ленинград, а железные дороги и мосты, которые мы восстанавливали, разрушили партизаны. Ему доверяли мало, но я всё же шутливо спросил: «Где твои партизаны? Здесь нет лесов, как причудся? Под землёй?» Никола, ответив: «Этого я не знаю, но мост, который вы чините, взорвали они», – в тот же момент отошёл.

За месяц мост был отстроен, нас стали везти на машинах на ремонты других мостов и дорог. Иногда заставляли приводить в порядок и повреждённые железнодорожные пути...

Минувл год. В один из осенних дней, когда накрапывал дождь, а мы возились в грязи на разрушенном партизанскими дорожном участке, я увидел, что полицаи Никола мне подмигнул. Стуча киркой по каменной канаве вдоль дороги, я постарался к нему приблизиться. Никола шепнул, что скоро нас из Украины переведут в Белоруссию. Тамешние партизаны, мол, достали немцев своей активностью, разрушили многие коммуникации. Вдобавок, немцы потерпели поражение на Кавказе и под Сталинградом. – Только, – шептал Никола, – никому не открывайся, а то нас расстреляют...

Прошла с того дня неделя, и рано утром, как только мы выжидали до дна свои порции собачьей барды, получили приказ собраться во дворе.

Конишры-немцы и полицаи привели к железной дороге. В тупике стояли вагоны, нам приказали занять их, затем прицепили к другим вагонам, в которых мелькали военные в белых халатах, и мы догадывались, что это везли раненных немцев.

Ехали двое суток с частыми остановками, и вот поезд затормозил в лесистой местности. Рельсы впереди оказались разобранными. Как только немцы и полицаи выпрыгнули из вагонов, раздались автоматные очереди и взрывы гранат. Стрельба длилась недолго. Партизан было на порядок больше, и они сразу захватили состав. Множество наших солдатников погибло, остальные разбежались. Партизаны открыли двери вагонов и сразу же повели нас в лес. Двигались, однако, не быстро, потому что проводники

карабины. Познакомили и с картой Белоруссии, ведь мы находились на её территории. И вот, если раньше мы ремонтировали мосты и дороги, то теперь стали их разрушать. Порой удачно расправлялись с фашистами, а порой сами с огромными потерями едва уносили ноги...

Артур прервал свой долгий рассказ и вздохнул.

– В общем, все случаи не расскажу, но один на моей руке – видишь? – оставил шрам на мою жизнь. Было так. В одном селе староста и полицаи жестоко обрались с людьми, отнимая у них последнюю скотину для немцев. Тех, кто осмеливался перечить, расстреливали, избивали и томили в заточении. Особенно немилосердно относились к семьям военнослужащих Красной Армии. В нашем отряде был житель того села, хорошо знавший волчьи повадки своего бывшего соседа-старосты. Партизанское начальство вынесло решение уничтожить предателя. Это поручили нашему отряду.

План был таков: в село отправляемся в ветреных сумерках, когда немцы и полицаи предпочитают сидеть по тёплым избам. Прибыв на место и оставив на околице наблюдателя, окружаем дом старосты. Иващевич – тот самый односельчанин старосты, воевавший в нашем отряде, – хорошо подражал голосу старшего полицаи, ему и поручено было вызвать предателя якобы для важного разговора.

Когда подкрались к нужному дому, нас было облаяли две собаки, но Иващевич, окликнув их, уступил заранее приготовленным мясом. Псы успокоились. Он позвал старосту, как условился, тот открыл дверь, но, углядев Иващевича, потянулся за пистолетом. Я успел перехватить его, однако выстрел всё-таки прозвучал и пуля пробила мне левую руку. Подоспевшие наши, связав старосту, спустили ему в рот клая. На шум выскочила жена предателя, запритчала. Едва мы её уняли, решив не убивать ради двух малолетних детей.

Староста отказывался идти, пришлось его волочить. На рассвете вернулся в отряд. При допросах оказалось, что он в курсе военной информации, так как часто встречался с немецкими офицерами. По словам старосты, немцы так и не смогли удержаться на подступах к Москве и откатились. Ленинград, хотя и остался в окружении, крепко держится. Но приятней всего была весть о том, что под Сталинградом триста шестьдесят тысяч немецких солдат и офицеров сдались в плен. На Кавказе враг тоже не смог захватить Владикавказ, который переключил путь к грозненской и бакинкой нефти. «Сейчас, – говорил староста, – ведутся ожесточённые бои под Курском».

Эта информация помогла штабу верховного командования партизан Белоруссии уточнить положение дел на фронтах. Военный трибунал постановил расстрелять предателя, и приговор привели в исполнение. Иващевича и меня наградили медалями, остальные участника операции выдали почётные грамоты.

Вскоре весь мир узнал о сокрушительном поражении вермахта на Курской дуге. После этого, огрызаясь, как раненный медведь, немец стал неуклонно питаться к своему логову. Прошло время, Белоруссию тоже освободили. Героические белорусские партизаны продолжили борьбу с захватчиками в рядах Красной Армии. Правда, органы НКВД сперва подвергали нас тщательной проверке, уточняя, как-

старосты. Чуть не началась гангрена, так что День Победы я встретил на больничной койке.

Лежал я, скучал по семье и по моей Фарине. Особенно переживал оттого, что на ранее посланные письма не получил ответы. Хотя удивительного ничего не было, ведь наш полк часто перебрасывали с места на место. Наконец, письма меня настigli. Приятной была весть о том, что Серго вернулся домой живым. Он писал, что ждёт меня... Раны стали заживать, я даже стал выходить во двор без помощи медсестёр. В один из солнечных дней присел на длинной скамейке под деревом и задумался. Перед глазами встали картины, как до войны у подножия горы Уаза, что близ нашего села, на сочной траве паслись отары овец и стада коров да бычков. Как приятно было в жаркую погоду выпить из бурдюка, который охлаждался в горном роднике, кефиру!.. Неожиданно нить моих дум оборвал главный врач госпитала, полковник Аслангерий. Он, решив отдохнуть от жаркого солнца, присел рядом. Я хотел встать. Он удержал меня и спросил:

– О чём грустишь, джигит?
Я не нашёл ответа, и он продолжил:
– А я скажу, о чём. О нашем Кавказе. Заметя, что я удивлён, полковник пояснил:
– Я ведь из Дагестана и наши горы, красоту природы часто вспоминаю! Приятно встретить кавказца, вот как тебя. Сегодня сделал две тяжёлые операции, очень устал. А заметил в окне земляка – и решил с тобой отдохнуть. По документам, ты окончил Буйнакское военное училище. Я родом из Кумторкалы, что близ Буйнак-ска, и хорошо знаю этот городок...

Артур умолк с улыбкой, глядя на речку. На его лбу появились две характерные морщины: видно, что-то напоминал.

– В общем, в госпитале провалялся я долго. Полковник Аслангерий лично меня оперировал. Он и для других никогда не жалел своего времени и мастерства, выматывался до предела. Поэтому сотрудники называли его «Аслан-Герой». Под густыми бровями смотрели вдумчивые, уставшие глаза, и он казался суровым. Но однажды вызвал меня, а взгляд был весёлым.

– Смотрел твои анализы, – сказал он, – и ничего опасного не нашёл. Дальнейшее лечение можно проводить и в домашних условиях. Если хочешь, подготовлю документы и через неделю тебя на санитарном поезде с тяжелоранеными отправят в Москву. В тамошнем госпитале главврач – мой одноклассник, вместе учились, вместе закончили институт. Напишу ему, а уж он отправит тебя во Владикавказский госпиталь. Оттуда как-нибудь доберёшься до своего села. Ну, рад? За четыре года военных трудов и страданий мне впервые довелось услышать такие приятные, участливые слова. В сердце закралось сомнение, что, наверно, я плох и полковник меня подбадривает. Но, слава Богу, сомнение оказалось напрасным. Как обещал «Аслан-Герой», так и случилось.

Через месяц я оказался на родине. В селении о моих делах были слышаны и ждали меня не только близкие, но и те, у кого родственники пропали без вести.

И хлынули слёзы из глаз,
И радость в груди разлилась:
Увидел я снежные горы...

Таймуразу Ланчава

65 лет

Исполком Международного сообщества писательских союзов поздравляет известного грузинского поэта и прозаика Таймуразу Ланчава с 65-летним юбилеем!

Вы уже более двадцати лет успешно руководите Имеретинским и Кутаисским отделениями Союза писателей Грузии и за это время смогли стать не только добрым товарищем для своих коллег, но и чутким, внимательным наставником. Желаем вам крепкого здоровья, кавказского долголетия и, конечно, новых творческих побед и достижений!

Татьяне Скобелевой

Уважаемая Татьяна Валентиновна!

Редакция «Общеписательской Литературной газеты» поздравляет Вас, талантливого прозаика и публициста, автора многих книг, с юбилеем!

Мы особенно ценим Вас за отзывчивость и поддержку, которую Вы оказываете коллегам и друзьям-литераторам. Вы активно участвуете в их творческой судьбе и вместе с ними радуетесь успехам. Желаем Вам крепкого здоровья, неувыдающей красоты, новых литературных свершений и многих солнечных дней впереди!